

С наступлением гласности твердел и голос Носова. Теперь, но без всякого политического жара, несвойственного ему, свидетельствовал он и о советском обезумелом отступлении 41-го года, о поджигальщиках сена в стогах и немолоченого хлеба в копнах, обливателях керосином складской пшеницы – свое бросаемое население обрекающих на голод. И недосказанное прежде: штабеля мёртвых красноармейцев в госпитальном дворе и свалку их сотнями в колхозные ямы из-под картофеля...

И, донося через 40 лет всю ту же военную тему, с горькой горечью всколыхивает Носов то, что больно и сегодня, что досталось никому уже не нужным ветеранам-фронтовикам, израненным, больным и нищим, когда невежественная молодежь высмеивает их боевые ордена, пренебрегает их терпеливой скромностью, чужа их воспоминаниям и датам.

Этой неразделенной скорбью замыкает Носов полувековую раму Великой войны и всего, что о ней не рассказано и сегодня.

Солженицын, Александр Исаевич. Человеку, жаждущему правды, невозможно брести в реке лжи : слово при вручении литературной премии Константину Воробьеву и Евгению Носову 25 апреля 2001 г. // Рос. газ. – 2001. – 27 апр. (№ 83). – С. 6 : портр. ; Курская правда. – 2001. – 6 мая. – С. 3 : фот. ; Новый мир. – 2001. – № 5. – С. 179-182.